

НОВАЯ Заря

Ежедневная политическо-литературная, общественная газета
Кубанско-Черноморского края.

(Въ Понедѣльники и послѣпраздничные дни не выходить).

Годъ Пятый. Екатеринодаръ.

№ 971 Пятница 22 Января 1910 года.

Новая перемѣна картинъ

Электро-Биографъ

изъ четырехъ новыхъ картинъ

Бр. Боммер

Съ Понедѣльн. 18

Отъ Гельсингсборга

до Мыса Кюппель

роскошная вид. картина.

Конрадинъ Швадскій

историческая драм. исп. лучшими артистами.

Похороны вел. князя Михаила

Виколасевича въ Севастополѣ.

Вивманію демонстраторовъ.

Января 1910 года.

Выставка цвѣтоводства и плодководства въ Парижѣ

дивная кар. съ нат.

Драма на горахъ

по красотѣ своей кар. не поддается описанію.

Дурашкинъ не чистъ на руку

юморъ до слезъ.

Коммало бюрократъ

ком. картина.

Картина демонстрируется въ сопровожденіи сценки комическаго и плахова. Прокатъ и продажа картинъ въ сущности существующихъ въ мирѣ фабрикъ. Прокатъ и продажа аппаратовъ со всеми принадлежностями.

дистонать рынокъ какія угодно условия и взыскать цѣны на продукты по своему субъективному усмотрѣнію. II. правительства, в законодательныхъ учрежденіяхъ, оказывались до сихъ поръ бессиленными бороться съ этими могущественными организаціями, вносящими милліонами и миллиардами.

Потребитель рыпалъ, но платилъ, не видя выхода изъ предпринимательскаго плѣна.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока рабочіе союзы Чикаго, возмущенные дѣйствіями мясного треста, не начали борьбу противъ него, пригласивъ своихъ членовъ отказаться совершенно отъ потребления мяса въ теченіе опредѣленнаго срока. Движеніе нашло благодарную почву для успѣха и стало распространяться по всей странѣ, перекинулось въ Бостонъ, Кливлендъ, Нью-Йоркъ и друг. города.

Не менѣе одного милліона лицъ

Трудно...
ри прим...
тически...
но теор...
ставлен...
Она...
кое то...
можно...
пытают...
госъ не...
И...
верной...
вопросъ...
нія пот...
линиров...
которая...
новымъ...
пальном...
Ибо...
ческомъ...
бителю...
вать з...
мическу...

2

Н О В А Я З А Р Я

№ 971

Памяти Чехова.

Не мнѣ, не мнѣ сплетать на гробъ смутныя цвѣты...
 Не вѣрить сердце въ то, что жизни нѣтъ возврата.
 Изъ дымки прошлаго, какъ милый обликъ брата,
 Встаютъ знакомыя, любимыя черты.
 На утро юности, и свѣтлымъ утромъ мая
 Вотъ я брожу въ саду, его словамъ внимаю.
 Онъ говорилъ о томъ, какъ нынче изъ земли,
 Еще лишенной травъ, чернѣющей и влажной,
 Тюльпаны ранніе вдругъ поднялись отъ вѣтра,
 О томъ, какъ яблони роскошно зацвѣли,
 И ласка грустная прищуреннаго взгляда
 Обводитъ съ нѣжностью и свѣтъ и тѣни сада.
 Тѣнистый старый садъ.. Онъ такъ любилъ его!..
 Онъ слушалъ въ немъ весны живое коздовство,
 Онъ въ немъ творилъ и жилъ.. Но Чеховскими онами
 Не дышетъ старый садъ; за милыми стѣнами
 Чужіе голоса, чужіе дни идутъ,
 А онъ—а онъ нашелъ себѣ иной пріютъ.
 —Въ Москвѣ есть монастырь, съ оградой зубчатой,
 Покоемъ благостнымъ и стариной бо-
 тый;
 Тамъ башня старая — на ней часы идутъ,
 И отбиваетъ бой воздушный ходъ минутъ.
 Какъ зерна жемчуга на дно хрустальной чаши,
 Какъ капли чистыхъ слезъ изъ глубины души,
 Минуты падаютъ въ задумчивой тиши.
 По вянущимъ листьямъ шаги замедлимъ наши,
 Пусть тихо намъ звучитъ тотъ серебряный звонъ.
 Минуты падаютъ съ верховъ старинной башни
 — Гдѣ день сегодняшній?.. Не онъ ли — день вчерашній?..
 Что было и что есть?.. Гдѣ истина, гдѣ сонъ?..
 И звонъ серебрянный — мгновениемъ летящимъ
 Роднитъ прошедшее такъ странно съ настоящимъ:
 И все не вѣрится, что насъ покинулъ онъ,
 И все не вѣрится, что здѣсь—его могила,
 Когда бы надѣсь намъ безстрастно не гласила:
 „Здѣсь Чеховъ схороненъ“.

Но полно, здѣсь ли онъ?.. Подъ тяжестью гранита
 Ужель его душа погребена и скрыта?...
 Не вѣрю, не могу!.. Въ прозрачной тишинѣ,
 Гдѣ слышенъ ходъ минутъ, какъ звонъ жемчужныхъ четокъ,
 Онъ вѣрно съ нами здѣсь, печаленъ, но и кротокъ.
 Онъ съ нами навсегда: и въ каждомъ сѣромъ днѣ
 И въ русскихъ сумеркахъ, и въ лѣтней дремѣ сада,
 И въ нѣжной дѣвушкѣ съ задумчивостью взгляда,
 И въ скорбной женщинѣ съ надломленной душой;
 Въ молитвенной тоскѣ и чистой и большой;
 Въ осеннемъ вечерѣ и въ музыкѣ Шопена;
 Онъ съ нами, наконецъ, и въ дѣтской вѣрѣ той,
 Что человечество низвергнетъ узы плѣна,
 И будетъ жизнь еще прекрасной и святой!..
 Онъ съ нами—навсегда: душа его родная,
 Всѣ наши тягости, сомнѣнія, муки зная,
 Намъ издали даритъ свой грустный тихій свѣтъ,
 Какъ тихая звѣзда надъ мутными волнами...
 И вѣрю: съ Чеховымъ для насъ разлуки нѣтъ,
 Пока душа жива—я знаю,—Чеховъ съ нами!
 (Рѣчь) Т. Щепнина-Куперникъ.